

размышления на тему

Алёна Каримова

Перевод как священная обязанность

Переводчик

*Переводчик переводит.
Как актёр, он входит в роль,
И чужда его природе
Неосознанная боль.
Он склонился над стихами.
В голове его звонка,
Словно птица не стихает
Чужеродная строка.
Взяв заранее на веру
Чувств чужих и мыслей груз,
Соответствием размера
Озабочен, как Прокруст,
Он живёт, извечный пленник,
Неизменно кропотлив,
Жизнь свою без сожалений
В чьих-то жизнях растворяет.*

Александр Городницкий

Передо мной лежит примечательное издание: «Диалог литератур. Указатель переводов произведений русской литературы на татарский язык». Его составил Энгель Нигматуллин, и эта работа впечатляет. Здесь собраны не только наименования переведённых и изданных книг, но также уделено внимание отдельным переводным публикациям в периодических изданиях. Кроме того, приведён указатель фамилий татарских переводчиков. Глядя на эту книгу, объёмом в без малого 200 страниц, отпечатанных очень мелким шрифтом, понимаешь, что переводческое дело на протяжении XX века (кроме, разве что его последнего десятилетия) почиталось важным и нужным, и, безусловно, таковым являлось. Переводили

классиков, переводили «модных» писателей и никому не известных молодых авторов. Переводили объёмные романы и небольшие статьи. Переводили подборки стихотворений и целые сборники. Татарский читатель мог получить прекрасное представление о русской литературе, читая на родном языке. И переводчики были замечательные. Их имена говорят сами за себя: С. Сунчелей, Г. Камал, А. Исхак, М. Максуд, Н. Исанбет, А. Ерикей, А. Файзи, З. Нури, позже – К. Миннибаев, Н. Арсланов, Зульфат и др. Да и сегодня, в тот период, который уже никак не мог охватить своим взглядом Энгель Нигматуллин, происходит много интересного: вот недавно Ркаиль Зайдулла перевёл Шекспира, а несколько талантливых молодых татарских поэтов перевели стихотворения Ахматовой.

Жаль, никто не озаботился составлением издания о переводах с татарского на русский – я не сомневаюсь, что оно получилось бы не менее представительным, ведь татарскую литературу переводили С. Липкин, А. Ахматова, А. Тарковский, Вс. Рождественский, В. Тушнова и мн. др.

В общем, как уже не раз вспоминалось с ностальгией, в советское время с переводом национальных литератур было всё хорошо. В Казани работала целая плеяда ярких писателей-переводчиков: Марк Зарецкий, Рустем Кутуй, Сергей Малышев, Равиль Бухараев, Роза Кожевникова, Борис Вайнер, Рустем Сабиров и др.

Теперь ситуация с переводами, конечно, гораздо менее радужная. Увы, чтобы сосчитать тех, кто сейчас переводит татарскую литературу на русский язык профессионально и достаточно регулярно, а не от случая к случаю, хватит пальцев одной руки. Но, тем не менее, дело это живёт. Выходят книги, появляются публикации в журналах.

Проблема перевода сегодня сочетает в себе сразу несколько сторон, кроме собственно внутренних, профессиональных: во-первых, просто нет такой профессии, в том смысле, чтобы можно было сносно жить на гонорары от перевода художественной литературы; во-вторых, многие мастера уходят, советская школа перевода приказала долго жить, а на обломках бывшего величия довольно сложно возвести новый прекрасный замок, не имея ни материальной, ни, как это ни прискорбно, даже моральной поддержки. Ну и в-третьих, учитывая всё вышесказанное, нетрудно понять, что корпус переводчиков практически не пополняется молодыми свежими силами. Однако сосредотачиваться на этом мы не будем. Слегка коснувшись этих вопросов, «выполнив элемент обязательной программы», мы поговорим о другом – о том, зачем, собственно, переводить и как переводить.

Конечно, для татарской литературы жизненно важно не замыкаться в собственном пространстве, расти и развиваться, в том числе, и будучи переведённой на другие языки, и в первую голову – на русский и английский, плюс – как родственное направление – на турецкий и даже, может быть, арабский. Ведь только так она получает реальную возможность быть вписанной в мировой культурный, литературный контекст. Неоценимо много сделал в этой области настоящий подвижник татарской культуры Равиль Раисович Бухараев. Это был удивительный, разносторонне талантливый человек, яркая личность – поэт, писатель, драматург, журналист, переводчик, благодаря которому мы имеем прекрасные переводы многих произведений татарской классики как на русский, так и на английский языки. Немало делает в этом отношении и Татарский ПЕН-центр.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди переводчиков татарской литературы абсолютное большинство – этнические татары – поэты и писатели, которые сами пишут на русском языке. Это объяснимо, ведь многие из них понимают перевод не только и не столько как литработу, профессию, но и в значительной мере как некую духовную обязанность перед национальным языком, перед культурой предков. Здесь очень важна среда общения, важен контакт с татарскими

авторами, как со сверстниками, с молодыми, так и людьми более старшего поколения. Характерны в этой связи слова Равиля Бухараева: «По большей части благодаря именно наставничеству Сибгата Хакима и Хасана Туфана я и сохранил отношение к переводу как к священной обязанности, потому что духовность всегда сохраняется через труд, а не через благие пожелания и пустые укоры».

Для меня же и моих занятий переводом важными оказались встречи и разговоры с самим Равилем Бухараевым, с Сергеем Малышевым, с Рустемом Кутуем... Статья эта – даже не статья, а скорее эссе, размышления на тему, и в каком-то смысле продолжение тех наших разговоров. Я не филолог и не литературовед, поэтому говорю с единственно возможной для себя позиции – поэта и переводчика, так что общее будет перемежаться в этом тексте с личным, и, вообще, будет немало всякой вкусовщины.

Первое, что приходит в голову, когда начинаешь думать о переводах с татарского языка на русский или с русского на татарский, это, конечно, следующий немаловажный факт: две эти культуры находятся в очень разных языковых ситуациях, а потому значение имеет не только конкретный переводимый текст, но и целые понятийные пласты: культурные, политические, религиозно-философские, бытовые, наконец.

Ни для кого не секрет, что развитие татарской литературы было во многом затруднено извне причинами политического свойства. Чего стоит один факт смены алфавита: с арабской вязи на латиницу и с латиницы на кириллицу...

Я помню, как разглядывала в детстве вещи из сундука моей бабушки: в основном там были какие-то ткани, полотенца, пахучее мыло, немного украшений, расшитые ичиги. И среди всего этого – узелок с книгами. Особое, почётное, место в нём занимали Коран, какие-то ещё толстые книги (про одну она говорила, что это сборник сказок), напечатанные арабской вязью, и тонкие брошюры, пожелтевшие газеты на латинице. Жаль, что теперь уже и не выяснишь, куда это всё подевалось... Бабушка умела читать по-татарски тексты, напечатанные на любом из этих трёх алфавитов, а мне, её внучке, кроме кириллицы ещё кое-как была понятна латиница, но арабская вязь оставалась набором чуждых и, почему-то казалось, враждебных, крючочков. Когда я спрашивала, зачем эти непонятные, а значит, бесполезные книги, бабушка не сердилась, а только грустно улыбалась. Теперь, спустя десятки лет, я понимаю, как это было тяжело и неправильно, как менялись отношения целых поколений людей, которые и без того жили очень разной жизнью: одни родились ещё при царе и успели повидать многое, другие не знали ничего, кроме нового, советского мира. Традиционно в татарских семьях воспитывали детей в духе уважения к книге, а образование, будь то религиозное или, позднее, светское, считалось важнейшим делом. Писатели и вправду были «властителями дум», и авторитет их был необычайно высок. А ведь преемственность в литературе не менее важна, чем в жизни.

Для татарина это звучит дико, но мне встречались люди, которые всерьёз были уверены, что татарская письменность, как у некоторых тюркских народов России, началась в XIX или даже XX веке. Между тем, в Санкт-Петербурге по сей день хранится экземпляр «Манифеста», отпечатанный в 1722 году по приказу Петра I на татарском языке арабской вязью. Печать этого «Манифеста» была вызвана необходимостью обратиться к тюркоязычным народам Прикаспия и Кавказа, чтобы объяснить им ситуацию с персидским походом.

Татарская же литература по праву считает себя преемницей великой литературы Золотой Орды и Волжской Булгарии, она испытала на себе влияние арабской и персидской литератур, религиозной, в частности суфийской традиции. Первым письменным произведением татарской литературы считается эпическая поэма болгарско-татарского поэта Кул-Гали «Сказание о Юсуфе», датированная 1233 го-

дом. Всё это нужно иметь в виду, когда мы говорим о сходстве и различии татарской и русской литератур.

Но вернёмся к вопросам собственно перевода. В 2012 году я писала каждый месяц колонку о поэзии для журнала «Идель». Августовская была посвящена вопросам поэтического перевода. В ней я попыталась сформулировать для себя какие-то основные мысли по этому поводу. Объём колонки был очень мал, поэтому позволю себе процитировать сказанное там почти полностью:

«Содержание, смысл, суть, соль стихотворения – вот, в первую очередь, то драгоценное, что переводчик должен выразить на языке другой культуры. Возможно, поэтому многие хорошие поэты и переводчики склоняются к тому, что наиболее полно и наиболее адекватно стихотворение передаёт подстрочник. Бывает, мощь и красоту оригинала через подстрочник можно почувствовать куда сильнее, чем читая «готовый», ритмически организованный, «причёрсанный» и зарифмованный перевод.

В то же самое время мы понимаем, что форма и содержание существуют неразрывно. Содержание нуждается в форме, чтобы проявить себя. Но и то, каким именно образом оно себя проявляет, в случае поэзии становится невероятно важным. Порою, в экстремальных вариантах, форма может являться даже сама себе содержанием, что было наглядно показано, например, в хрестоматийном: «варкалось. хливкие шорьки пырялись по наве, и хрюкотали зелюки, как мумзики в мове». Стало быть, придавать новую форму содержанию нужно очень осторожно, пытаясь в ней по возможности воссоздать характерные особенности «старой»: фонетические, ритмические и т. д.

Итак, одно и то же содержание может быть передано в разных формах. Однако остаётся ещё одна проблема: уловить содержание поэтического произведения со всеми его подтекстами, контекстами, цитатами, аллюзиями и прочими вещами, которые так почитают филологи, – дело не такое уж тривиальное.

Резюмируя всё вышесказанное, попробуем сформулировать необходимые (но не всегда достаточные!) условия создания хорошего поэтического перевода.

1. Оригинал должен обладать поэтическими достоинствами. Иначе в работе по его переводу не очень-то много смысла.

2. Переводчик хоть в какой-то степени должен обладать собственным поэтическим талантом, а значит, поэтическим слухом.

3. Переводчик должен быть широко эрудирован и хорошо образован. Это, разумеется, не означает, что он должен иметь диплом. Самообразование здесь в каком-то смысле даже предпочтительнее.

4. Переводчик должен владеть также стихотворной техникой, техникой версификации.

5. На мой взгляд, переводчик должен знать в совершенстве язык, на который он переводит, и хорошо бы хоть на каком-то уровне знать язык, с которого переводит. Перевод же по подстрочнику возможен, когда в пределах досягаемости есть носитель языка, у которого легко проконсультироваться и обсудить свои проблемы, если они возникнут».

Таковы основные, в общем-то, известные и более или менее разделяемые большинством переводчиков соображения. Однако в большой статье можно себе позволить порассуждать ещё об одной важной вещи: разных языковых ситуациях – татарской и русской. И разных поэзиях. Один из современных подходов к изучению современной русской поэзии состоит в том, что её нужно изучать как совокупность нескольких (разные авторы называют разное число) поэзий. Повторюсь: не поэтик, а поэзий. Например, Михаил Эпштейн уже в конце 80-х годов

прошлого века насчитывает их 10 и оговаривается, что это не предел. Такой подход имеет веские основания, ведь любой, интересующийся современным русским литпроцессом заметит, что в нём есть области, где жизнь протекает абсолютно автономно, не пересекаясь с жизнью в других областях ни эстетически, ни в пространстве, так сказать, «физическом». Разные мнения, разные эксперты, разные критики, разные премии и более того – разные «истории русской литературы». «Параллельные» литературные реальности их не интересуют и даже объявляют как бы «несуществующими». Фигур объединяющих, авторитетных сразу во всех этих областях очень мало...

У татарской литературы такого искуса нет. Разумеется, она так же неоднородна и внутри неё существует несколько течений, но пока ещё, насколько мне известно, никому не приходило в голову сказать, что современных татарских поэзий несколько. Татарская литература мыслится участниками литературного процесса как единое целое. И так, у переводчика возникает неожиданный вопрос: в какую же из современных русских поэзий я хочу попасть, переводя татарскую? И какие конкретно моменты могут оказаться здесь существенными?

Некоторое время назад мне на глаза попала книга Д. Ф. Загидуллиной «Модернизм в татарской литературе первой трети XX века», в которой автор рассуждает о неклассическом типе культуры применительно к татарской литературе. Она отмечает: «...Если в литературах Запада, а также многих народов Востока «поиск нового» начинался с отказа от просветительской парадигмы в пользу романтической, у татар просветительская литература стала основой, базой для становления самобытной национальной культуры». Действительно, в татарской литературе изменения происходили не революционно, когда каждый следующий этап отрицает предыдущий, а довольно плавно, сочетая в себе порою очень разные элементы. Отчасти, может быть, это было связано ещё с тем, что светская литература продолжала нести в себе некоторые черты религиозной. Кроме того, нельзя забывать, что татарская литература на протяжении долгого времени была действительно инструментом, влияющим на народное самосознание. И писатели, драматурги пользовались большим уважением и доверием общества, как его духовные лидеры.

Не отрицаю значительных порою отличий, но всё же по своему мироощущению и способам его выражения, как мне кажется, большинство татарских поэтов близко к так называемому «патриотическому» сегменту современной русской поэзии, в которой, по сути, осталось много советского. Кроме того, в татарской поэзии ещё живут те чаяния и стремления, которые владели татарской интеллигенцией в начале прошлого столетия, в эпоху расцвета национальной культуры и подъёма национального самосознания. Как в ценностном плане, так и в эстетическом. Для современного поэта вполне актуальны слова Тукая, написанные в 1906 году:

**...Чувства выше нет на свете, чем любовь к тебе, народ,
Одержим одной я страстью – сердцем быть всегда с тобой.**

**Заслужить хочу бессмертье я поэзией своей...
О создатель, не мечтаю я об участи иной.**

**Жизнь мою возьми, стихи же для потомков сбереги.
Как мне страшно быть забытым отчей милой стороной...**

(Перевод С. Ботвинника)

За редким исключением, для татарских поэтов необычайно важно ощущать себя частью жизни, истории своего народа, быть причастными к чему-то большему, чем личное, индивидуальное, частное существование. Стихи о любви к роди-

не, осмысление конкретных человеческих судеб в исторической перспективе, боль и гордость за родной народ – всё это неотъемлемая часть их творчества. У поэтов «сильных», наиболее талантливых, это получается органично, рождаются мощные образы, личные переживания оживляют контекст, рождая эмоциональный ответ, сочувствие. Стихотворцы «рядовые» выдают здесь набор банальностей, остаются декларативными, их боли трудно поверить... Что происходит, когда мы пытаемся перевести всё это на русский язык? Штамп останется штампом, а живое желательно сохранить живым. Однако существует ещё разница восприятия читателем. Для татарского читателя судьба его народа, его родная земля – безусловная ценность, и в поэзии чаще всего находится на первом месте. Он привык говорить на эту тему и воспринимать её серьёзно, сохраняя, может быть, неуместную в нашей обычной жизни патетику; его образ поэта – поэт трибун, оценивающий и, если нужно, обличающий. Он, в собственном восприятии, горьковский Данко, вырвавший из груди сердце, чтобы осветить тьму. Русский же современный читатель подобную высокопарность расценит скорее как неискренность, дань политической конъюнктуры. В современной русской поэзии за исключением её так называемого «патриотического» сегмента, принято говорить об этом исподволь, как бы вскользь, выражая любовь к родине через любовь к людям, предметам, их окружающим, избегая любого намёка на декларативность и мессианство.

Как мы уже отмечали выше, татарская литература в своём мейнстриме продолжает выполнять и просветительские функции. В художественных текстах: поэзии, прозе, драматургии, не говоря уже о публицистике, мы можем частенько встретить дидактические наставления читателю. Что, конечно, при переводе на русский, на язык культуры, «переварившей», переплавившей в себе не только модернизм, но и постмодернизм и живущей уже в эпоху после постмодернизма, звучит несколько наивно, если не сказать хуже.

Но ведь переводчик – переводит. Он не может и не должен, угождая вкусам читателя или стараясь сделать перевод «интереснее», исказить оригинал. Оттого он чаще всего обращается к знакомым нам с детства традициям патриотической русской поэзии – и в результате читатель видит перед собой некую «стилизацию». Правильно ли это? Не знаю.

Как-то мы беседовали о переводах с Тимуром Кибировым, правда в несколько другом контексте, и он сказал, что лучший перевод – это подстрочник. Мне сложно с ним согласиться в целом, но в некоторых конкретных случаях, наверное, грамотный, литературно обработанный подстрочник, действительно мог бы передать дух и содержание «сильного» произведения лучше всего. По умолчанию, здесь и везде, мы, конечно, говорим о настоящей литературе, имеющей художественную ценность, как некое имманентно присущее ей качество...

Говоря о поэзии и её переводах, нельзя не сказать о поэзии любовной. Для татарских поэтов это также центральная тема, и свои творческие задачи они решают по-разному. Например, Радиф Гатташ активно использует традиционные восточные формы, в частности, газели. Но осовременивает их содержание, благодаря чему они смотрятся необычно:

* * *

Кончилось бурное половодье весенних дней,
Так почему не стихает волненье в душе моей?

Это, быть может, осталась во мне весна?
Или тревога о судьбах народа, земли своей?

Те, кто подался в политику, свар и спор
Тут же отведая, покоя хотят скорей!

Там посмотри: и завистник, и вор, и лжец –
Все вдохновение в злобе найдут своей.

Ну, а про то, что Гаташ день и ночь о тебе поёт...
«Сумасшедший! – они говорят. – Хочет книгу издать скорей...»

(Перевод А. Каримовой)

При переводе такого стихотворения, кроме внешнего сохранения формы газели – её отличительных признаков, важно сохранить ироническое отношение автора к «безумству» мира, в котором политиканы называют сумасшедшим его, поющего день и ночь о своей возлюбленной. Такие тексты создают на русском языке свой, обособленный, «восточный» корпус (разные виды газелей, рубаи и т. д.), который вообще «перпендикулярен» современным русским поэтикам, и за счёт этого вызывает к себе интерес у русского читателя. Поэтому лично мне нравится переводить, создавая в каком-то смысле «восточную стилизацию», если это, конечно, позволяет оригинал.

Молодые поэты, естественно, пишут иначе. Наряду с очень традиционными для татарской поэзии стихами, появляются тексты, в которых слышатся уже отголоски не только прочитанного по-русски Бродского, но и иной, песенной поэтики, чего-то вроде текстов Земфиры или «Ночных снайперов», особенно у поэтесс. Вот, например, стихотворение Луизы Янсуар:

«Я теряю тебя...» Жаживают и снова
Открываются старые новые раны.
Город спутанных улиц кого-то иного –
Непрерывно кого-то – ведёт между нами.

Не решаясь взлететь, прижимаются ту же
Этой дикой весной ослабевшие крылья.
Эта ненависть здесь, и в глазах твоих – стужа.
Есть ответ, но найти – бесполезны усилья.

Кто-то рад, что теперь он свободен беспечно,
Кто готов в сотый раз попадать в окружение...
Боль ломает виски, мне унять её нечем,
Глядя в серый рассвет, совершаю движенье –

Прижимаюсь к тебе. Это миг? Это вечность...
И уже неважны все вопросы, ответы...
...Белой ниткой горит шрам, обнявший запястье –
Заклинанье твержу от грядущих несчастий...

(Перевод А. Каримовой)

В творчестве молодых намного чаще можно встретить свободные стихи, чистое чувство, яркую образность, лишь слегка опирающуюся на «земную» логику. Переводить их в каком-то смысле легче, потому что они изначально несут в себе стилиевые ключи, родственные современной русской поэзии – и здесь не возникает вопроса, на что ориентироваться, в какой русский контекст «вписать» эти тексты. Однако и здесь есть подводные камни: есть опасность потерять национальное своеобразие, как бы патетично это ни звучало, потерять угол зрения, акценты, тонкий план...

Здесь, кстати, обнаруживает себя ещё один вектор для размышлений над переводами татарской поэзии, да и всей литературы в целом: перевод современных поэтов, в отличие от перевода классических произведений требует принципиаль-

но иных подходов. Но это настолько широкая тема, что сейчас мы не будем в неё углубляться.

На Востоке, да и везде, размышления о любви частенько перерастают в философствование. Там где любовь, там и рождение, и смерть – души или тела – и вообще весь мир, потому что только любовь способна обнять его целиком. Как писал поэт Золотой Орды Кутб в 1342 году в своём вступлении к тюркскому переводу поэмы Низами «Хосров и Ширин»:

**В ком нет любви, тот мертвецу подобен:
Он к осознанию мира не способен...**

**...Когда бы не любовь, Земля б не стала
Кружить в пространстве, всё бы отдыхала,**

**Прогнулись бы давно земные своды,
И в бездну провалились бы народы.**

**Когда б любовь морями не владела,
Чего б им было бушевать без дела?**

**Свет повидав, «В чём тайна мирозданья?» –
Я спросил у своего сознанья.**

**«Весь мир любовью движется от века –
Услышал я, – в любви – суть человека.»**

Сайф Сараи в своей поэме «Сухейль и Гульдурсун» пишет*:

**Сухейля в цепях мимо сада вели...
Душа Гульдурсун словно взмыла с земли.**

**Узнала любви притяженье душа,
Землём вокруг Солнца круженье верша.**

(Перевод Р. Бухараева)

Равиль Бухараев, который перевёл эту поэму на русский язык, замечает: «Сайф Сараи запросто пишет о движении Земли вокруг Солнца за полтора века лет до Коперника».

А вот современный татарский автор – Ркаиль Зайдулла:

* * *

**Два часа идёт стеною снег, кромешный снег.
До меня он шёл и после будет он – вовек...**

**Почему же он тревожит, душу мне гнетёт?..
Кто там бродит – всё уздечку ищет, не найдёт?**

**Терпеливо ждёт под снегом смиренный вороной,
Лишь порой взмахнёт склонённой низко головой...**

**Поутру туманы выйдут, скроют всё кругом,
Конь останется покорным, словно под ярмом.**

* Поэма написана в 1393–1394 годах.

Поутру кнутом пастушьим свистнув, ляжет путь,
И всплакнёт большое небо, мне упав на грудь.

Снег тяжёлый разрывая, конь – чернее нет –
Побежит... В саях – солома: жёлтый-жёлтый цвет.

(Перевод А. Каримовой)

Сама размерность этого стихотворения, плюс способ его организации – байты – даёт нам прекрасную возможность при переводе сохранить «восточное» звучание. Хотя ничего специфически восточного, если приглядеться внимательно, в нём нет. Любой деревенский житель среднерусской полосы, приди ему охота изъясняться поэтическим слогом, теоретически мог бы выразить свои чувства-мысли сходным образом.

42

Мне лично интересно наблюдать за попытками современных татарских поэтов продолжить и дальше развить традиции в области жёстких форм. Бывает, что здесь, на стыке древности и современности, рождается действительно новое. Так, переводя миниатюры Мухаммата Мирзы, которые сам автор называет «Адәм баласы» (что означает «сын Адама», сын человеческий) мне пришлось вслед за Мирзой попытаться воссоздать их форму по-русски, поскольку до меня никто их не переводил. И хотя это получилось не в точности (у Мирзы на татарском меньшее количество слогов), форма оказалась живучей. При переводе было очень важно владение фольклорным материалом, потому что Мирза использует в своём творчестве огромное количество пословиц, поговорок, описывает разные обычаи, обращается к элементам древних поверий. Отсылая нас к древней, архаичной традиции, эти пятистишия, тем не менее, также наполнены вполне современным содержанием. Приведу здесь несколько миниатюр для того, чтобы читатель мог составить о них своё впечатление:

* * *

Земля и небо обнялись –
меж ними расстоянья нету...
Таков от века сын Адама –
так и блуждает он всю жизнь
в неясном промежутке этом...

* * *

Ни перед кем, кроме Аллаха,
не смей колени преклонять
И помни мудрость, сын Адама:
того, кто кается, не стоит –
что слишком поздно – обвинять.

* * *

Да, ярче месяца заплата,
чем звёзды, в небесах горит...
Таков сегодня сын Адама –
он от зарплаты до зарплаты,
живёт – за месяцем следит...

* * *

Коль искренен принёсший дар –
отказ подобен униженью.
Но твёрдо помни, сын Адама:

**и оскорбить способен дар,
что принесён без уваженья.**

(Перевод А. Каримовой)

Стремление к афористичности, краткости, умение поэта в нескольких строках сказать о чём-то важном, ценилось у всех народов во все времена. Одним из мастеров этого жанра является татарский поэт Равиль Файзуллин. Он разнообразен – романтичен, философичен, ироничен, а порою и просто язвительен. Переводы таких стихотворений, насколько я могу судить, также актуальны для иноязычного читателя.

* * *

**О чём болит моя голова –
никто не знает. Прекрасно!**

**А всё же бежит впереди молва,
И всем про меня «всё ясно»!..**

(Перевод А. Каримовой)

Внутри татарской культуры, как и внутри любой, существуют некие горизонтальные связи, «диалоги» писателей, посвящения, личные отношения, то есть огромный контекст, пласт литературной жизни, без знания которого порою невозможно адекватно перевести произведение. Особенно это касается прозы, драматургии. Поэтому, когда мы берёмся переводить ту или иную вещь, мы и вправду вынуждены проживать кусочек жизни в иной реальности, в другом времени, в других обстоятельствах. Кому-то из переводчиков это нравится, кто-то сопротивляется такому «погружению», но обойтись без него совсем, наверное, невозможно...

Я умышленно не захотела останавливаться на каких-то технических трудностях, конкретных деталях работы переводчика – ведь, по большому счёту, дело не в них – эти проблемы так или иначе решаемы. Дело в призвании.

И мне кажется уместным закончить статью кусочком диалога Равиля Бухараева и Сибгата Хакима, который был опубликован в газете «Вечерняя Казань» 19 мая 1979 года и процитирован Равилем Раисовичем в предисловии к его книге «Татарская поэзия: вторая половина XX века», вышедшей в 2008 году в издательстве «Магариф»:

«Р. Б.: К сожалению, часто забывают, что профессиональная литература, в том числе и художественный перевод, – это искусство, забывают уроки великих мастеров. Высочайшая нравственность мастера – в его отношении к своему произведению. Где начинается подёнщина – кончается искусство. В переводах это виднее всего. Более того, пренебрежительное отношение к переводу непременно отразится и на собственном творчестве. Нельзя безнаказанно халтурить, лгать в искусстве. Оно умеет мстить – отсутствием вдохновения, духовным кризисом...

С. Х.: Да, мы вновь вернулись к нравственному критерию. Перевод – это колоссальный труд, требующий больших знаний. Не представляя языка оригинала, фольклора, духа народа, схватить внутреннее течение мысли поэта очень сложно. И молодым переводчикам придётся нелегко. Но дело того стоит. Удача в переводе, особенно классики, – счастье поэта!»